

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-171: 328.185

Глечян Эдуард Русланович
кандидат философских наук,
преподаватель НЧОУ ВО
«Армавирский лингвистический
социальный институт» (г. Армавир)

Glechyayn Eduard Ruslanovich
Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher, Armavir Linguistic Social
Institute (Armavir)

Похилько Александр Дмитриевич
доктор философских наук,
профессор, профессор кафедры
философии, права и социально-
гуманитарных наук ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Pokhilko Alexander Dmitrirovich
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of Philosophy, Law and
Social and Humanitarian Sciences,
Armavir State Pedagogical University
(Armavir)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ В ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

SOCIOCULTURAL FACTORS OF CORRUPTION IN THE PHILOSOPHICAL- ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Аннотация:

Авторы рассматривают коррупцию в философско-антропологическом аспекте, подчеркивая необходимость учета субъективной стороны коррупции, роли «человеческого фактора». Не отрицая значимости социальных технологий, авторы отмечают, что эти технологии должны использоваться меритократией, в особенности, в сфере СМИ. Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар, открытые великим

Abstract:

The authors consider corruption in a philosophical and anthropological sense emphasizing the need to take into account the subjective side of corruption, the role of the "human factor". Without denying the importance of social technologies, the authors note that such technologies should be used by meritocracy, especially in the field of mass media. The current state of affairs in Russian reality is complicated by the fact that the laws of awards and punishment, discovered by P.A. Sorokin, are not applicable to Russian reality anymore

социологом П.А. Сорокиным, непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку общество и государство оказались в непростой ситуации «вынужденной коррупции». Эти законы надо преломлять через процесс формирования современной политической элиты. В статье делается вывод о том, что в контексте расширения масштабов коррупции гетерономия социальных законов не может действовать из-за индивидуальной аномии и цивилизационного кризиса личности.

Ключевые слова:

коррупция, человек, человеческий фактор, личность, сознание, кары, автономия, гетерономия, цивилизационный кризис.

since society and the state are in a difficult situation of “forced corruption”. These laws must be refracted through the process of the formation of modern political elite. The article concludes that in the context of expanding the scale of corruption, the heteronomy of social laws cannot be efficient due to individual anomie and a personality civilization crisis.

Keywords:

corruption, human, human factor, personality, consciousness, punishment, autonomy, heteronomy, civilization crisis.

В данной статье хотелось бы подчеркнуть необходимость большего учета «человеческого фактора» коррупции в научных исследованиях для понимания особенности формирования антикоррупционной политики в условиях современной России. Нашей главной задачей при этом будет анализ действенности факторов автономии и гетерономии в таких формах человеческой субъективности, как реакции на награды и кары (законы наград и кар) применительно к личности российского гражданина. Тема коррупции остается чрезвычайно актуальной, о чем свидетельствует и большое количество научной литературы по данной теме [1; 6; 7; 9; 10; 13; 14; 15], которую мы используем далее.

Ключевым в антропологическом аспекте понятием является автономия человека, личностная автономия. Именно незрелость личности ослабляет сопротивление расширению коррупции. Автономия личности выступает основой гражданского общества, которое является главным субъектом, заинтересованным в борьбе с коррупцией. В данном контексте представляются интересными для нас исследования Жюль Делёза, который утверждал,

что если человек стремится к автономности, уважению прав и свобод личности, если он хочет жить в открытом и свободном обществе, то ему необходимо осознать проблему личной идентичности, понять, что очень сложно стать личностью и быть ею, оставаться личностью. Он полагал, что ценностная суверенность индивида и само право человека быть подлинной личностью выступают базовыми принципами, следовательно, если эти принципы будут разрушены, то соответственно разрушится вся форма социальности, т. е. рухнет вся западная цивилизация. Это и есть цивилизационный кризис [3].

Коррупция в нашем случае понимается широко – как интенция индивидуальной аномии, служащая основой для аномии социальной. В философско-антропологическом аспекте такое понимание коррупции существенно отличается от трактовки коррупции в социальном измерении даже в научных статьях. Коррупция же в позитивном праве рассматривается достаточно узко, как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [12]. Более того, к сожалению, определение коррупции в достаточно широком смысле не введено в полной мере в правовое поле России. Коррупция трактуется узко, сводится в основном к тривиальной даче или получению взятки. Ясно, что коррупция – это гораздо более широкое и опасное явление цивилизационного кризиса личности. Это подрыв доверия личности к «общественному договору» с государством.

В нормах международной юстиции, коррупция толкуется расширено, шире, нежели как в отечественной юстиции: «...коррупция судей понимается как нечестные, мошеннические или неэтичные действия судьи, совершенные

в целях получения личной выгоды и выгоды для третьих лиц» [11]. Тут необходимо обратить внимание на то, что международный Законодатель олицетворяет коррупцию не только с получением выгоды имущественного характера. Логика выражения «получения личной выгоды и выгоды третьих лиц» позволяет истолковывать это явление намного шире, нежели как нам позволяет это делать российский Законодатель. Международный Законодатель указывает: «Субъективные соображения, связанные с продвижением по службе, могут вызвать равнодушие судьи к риску небеспристрастности в конкретном деле. Помимо этого, имидж судьи и, как следствие, имидж судебной власти сильно страдает, когда судья рассматривает дело, в котором для него/нее есть прямой или косвенный личный или финансовый интерес, зависящий от исхода дела» [11].

В антропологическом плане мы не будем сводить коррупцию только к одному индивиду. Наиболее пагубное влияние она оказывает на верхушку власти, которую принято обычно связывать с понятием «элита». Разумеется, при анализе элит очень важен личностно-индивидуальный момент политического и правового сознания. Анализ автономности сознания элиты, связанный с действием кар и наград, представляет интерес в связи с выявлением взаимодействия гетерономии и автономии в правовой культуре [10]. «Кары, так и награды влияли и влияют на поведение человека... Если бы не было этих рычагов, поведение, как целых народов, так и отдельных личностей было бы существенно иным» [10, с. 115]. Эти законы наград и кар впервые в классически ясной форме были сформулированы П.А. Сорокиным [10, с. 119–134]. Кратко напомним их суть.

Во-первых, одна и та же награда или кара тем сильнее влияют на поведение человека, чем момент их выполнения ближе. Как показала практика, если руководитель «сел» на должность на длительный срок, например, на десять или двадцать лет, то создает вокруг себя систему коррупции. Итак, важен фактор времени.

Во-вторых, они тем сильнее влияют на поведение одного и того же человека, чем сильнее в нем уверенность в их неизбежности. Взятку трудно отследить и доказать, поэтому она, несмотря на ее особую опасность для общества, широко распространена. Не жестокость, а твердое убеждение, что ты будешь наказан, вызывает страх и заставляет воздерживаться

от взятки. С другой стороны, воздержание от взятки должно поощряться, должно быть замечено и вознаграждено.

В-третьих, одна и та же награда или кара при прочих равных условиях тем сильнее действует на поведение, чем больше данный человек нуждается в этой награде или чем большее «благо» отнимает у него кара. То есть потребность быть честным должна подкрепляться материально и морально в соответствии с индивидуальным интересом. С другой стороны, самое страшное наказание – это угроза конфискации всего имущества.

В-четвертых, влияние одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности научного, религиозного или морального мировоззрения. Например, если человек спасает душу, то он не будет воровать, брать взятки, потому что верит в рай и ад. Твердые нравственные убеждения автономной личности – лучшее препятствие против коррупции. Еще Конфуций четко различал благородного человека, который руководствуется моралью и низкого человека, который руководствуется выгодой, корыстью. Коррупционер – это нравственно опустошенная, «продажная» личность, хотя с виду это человек с высоким чувством собственного достоинства.

Наконец, в-пятых, влияние различных кар или наград зависит от представлений индивида о «должном» и «справедливом». Если человек соглашается с тем, что он не должен брать взятки, то кары или награды действуют лучше. А если человек твердо убежден, что «справедливо» для него собирать «дань», то эффективность кар и наград будет минимальной, поскольку им оказывается сильное внутреннее противодействие. Коррумпированные руководители часто убеждены, что им «брать» можно, а другим – нельзя, ибо они избранные.

Итак, в чем вред коррупции? Она разлагает сознание, убивает веру в справедливость, ведет к аномии. Коррупция – это насилие сильного над слабым. В России, где нет традиций гражданского общества, слабый привык к тому, что его права и свободы попирают сильные. Правовой нигилизм служит питательной почвой для коррупции. В свою очередь, коррупция подрывает правовое и нравственное сознание. Как следствие – рост числа «продажных личностей». На этом моменте хотелось бы остановиться подробнее [8].

Становление рыночной экономики в России не является панацеей, лекарством от всех болезней. Появился феномен «рыночной», доходящей до «продажности» личности. Анализируя этот феномен «продажности», Н.С. Пряжеников, аналогично Э. Фромму [13], акцентирует внимание на основных характеристиках «рыночной личности» и применяет эти характеристики к познанию современной российской действительности. Для рыночной системы всякая личность имеет стоимость и цену, которая определяется внешними условиями, а не самооценкой. Самооценка тоже подчинена внешней идентичности. Личностная автономия деградирует вначале до уровня социальной гетерономии, а потом уже по инерции – до уровня индивидуальной аномии.

Характеризуя личность с «рыночной ориентацией», Э. Фромм выделил такую ее черту, как «изменчивость установок»: она как раз и «составляет единственное перманентное свойство такой ориентации... При этой ориентации развиваются те свойства, которые можно пустить на продажу. Доминирует не какая-то одна частная установка, а пустота, которую можно скорейшим образом наполнить желаемым свойством» [14, с. 79]. В зависимости от конъюнктуры «рынка личностей» человек может быстро сориентироваться и приобрести необходимые качества (респектабельность, хорошее здоровье, доброту, оптимистичность, эрудицию, патриотизм). Но все это лишь до того момента, когда конъюнктура рынка опять не изменится. «Личность-пустота» способна на достижения и действия, но она не способна на постоянное нравственное напряжение поступка, на «длющийся поступок», который обеспечивает длительную внутреннюю работу с ценностями и смыслами, личностный рост и «самостроительство».

И, все-таки, как отмечает Н.С. Пряжеников, если опуститься с неба на землю, то следует признать, что «рыночных личностей» достаточно много и не все из них переживают такое свое состояние. Более того, «мы можем предположить, – пишет он, – что «рыночные личности» – это не только неизбежный, но и необходимый элемент общества на данном этапе его развития. А сама идея «рыночной личности» со всеми вытекающими отсюда проблемами и преимуществами – это своеобразный тест, важное условие проверки своей системы ценностей и возможность личностного выбора для каждого

самоопределяющегося человека» [8, с. 15]. Как известно, легализация «рыночных отношений» стала российской реальностью лишь во второй половине 80-х годов XX века. И когда почти все стало «разрешено» или не запрещено, «рыночные отношения» стали переносить во все, самые неожиданные сферы жизнедеятельности: в дружеские и интимные отношения, в сферу творчества, в религию и т. п.

Если взглянуть на ситуацию реалистично, то идея «продажности» стала чуть не основой государственной политики. Свидетели событий начала «бурных девяностых» помнят высказывания молодых экономических «гениев» самых высших рангов о том, что «первоначальное накопление капитала» невозможно без «некоторого нарушения закона», или о том, что бедственное положение пенсионеров – это расплата за то, что они не сумели воспитать детей, которые могли бы их кормить в «переходный период», что Сергей Мавроди – гений и за такими, как он, будущее России. Это послужило плохим примером для самоопределяющейся молодежи. Прямо противоположный пример можно привести из истории. Невероятно метко и бесстрашно ответил Конфуций на вопрос правителя царства: что делать, если в моем царстве воруют? – Не воруйте сами, тогда и подданные перестанут воровать [5]. Правительство Егора Гайдара провело невиданную в истории России кампанию, которая была названа «приватизацией», а на деле была лишением народа собственности и обогащением очень узкого круга лиц, прямо или косвенно связанных с властью. Было положено начало широкомасштабному коррупционному процессу, поскольку суть коррупции – это трансформация власти в деньги и собственность.

Автономность правового сознания относительна, явно связана с политической гетерономией. Нравственное содержание автономности правового сознания преобразуется в его (правового сознания) активность, связанную с «человеческим фактором» права. Все «коррупционеры» начинают незаконно обогащаться, имея убеждение в моральной непозволительности такого обогащения, но при частом повторении в их сознании нравственное убеждение слабеет, и, в конце концов, они освобождаются от всяких упреков своей совести. Приобретая защиту после сакраментального «делиться надо», он перестает бояться, начиная относиться к этому как к повседневности, а не к преступлению.

Коррупция означает распад, разложение. Что разлагается? Распадается человек, а не только система государственной власти. Разлагается правовое сознание. Мораль не действует. Быстро создается организованная преступность, отмываются полученные деньги, возникает почва для смежных преступлений. Что же делать? В свое время критерием оздоровления высших эшелонов властной элиты стало принятие закона о коррупции [12]. Он, казалось бы, стал, прежде всего, актом нравственного покаяния. Однако принятие закона не смогло остановить коррупцию. Закон не избавляет, а наоборот, предполагает, что нам надо стать цивилизованными и проводить цивилизованную антикоррупционную политику.

В идеале, учитывая законы П.А. Сорокина, надо немедленно поощрять за честность и немедленно наказывать за нарушение закона, делая наказания неизбежными. Не жестокими, но обязательно неизбежными и немедленными, применимыми ко всем чиновникам без исключения. Угроза действует сильнее исполнения. Парадокс: лучше поступиться жестокостью и оговорить в законе очень мягкие формы наказания (штрафы, выговоры, предупреждения, огласка), но при этом выиграть в эффективности правоприменения. Главное – заставить рядового гражданина поверить, что можно добиться результата законным порядком. Коррупция начинается сверху и заканчивается внизу, в правосознании гражданина. Медленное привыкание к цивилизованному решению государственных дел постепенно дало бы возможность переходить от гетерономии к автономии правового сознания, от правового нигилизма к правовой культуре российского гражданина.

Человеческий фактор коррупции заключается в том, что коррупционер («взяточник») – это человек, и надо понять его психологию избранности, реальной или мнимой элитарности, его своеобразную гордыню и духовную слепоту, его софистическую аргументацию. С другой стороны, управлять в ситуации постоянного страха перед жестокими и немотивированными карами ему нелегко. Хотелось бы верить, что многие здравомыслящие люди в элите в такой ситуации хотели бы «соскочить с коррупционной иглы».

Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар очевидны, но непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку «в транзитивном

российском обществе коррупция выполняет и социально-конструктивную функцию, позволяя экономике в целом и гражданам, в частности, действовать в условиях несовершенного законодательства» [1, с. 10]. Нелегитимность многих форм социальной активности российского гражданина с его особой ментальностью зависимости и неавтономности порождает страх, который заставляет давать «взятки на всякий случай», бизнесменов – планировать «откаты» и т. д. С другой стороны, положение усугубляется тем, что конструируется новая реальность коррумпированного общества, в котором незаконные денежные потоки служат «смазкой» для функционирования «ржавой» государственной машины.

Гетерономные факторы расширения сферы коррупции только кажутся простыми и эффективными в условиях слабости личностного начала и правового нигилизма, который охватывает массы людей и все социокультурные институты. На деле же они обостряют цивилизационный кризис. Положения П. Сорокина должны быть значительно модифицированы в современных условиях. Мы можем применить эти положения к сознанию элиты, в определенной мере сформулировать их в качестве научных рациональных, эмоционально нейтральных положений.

1. Стремительное развитие науки и прогресс техники могут создать иллюзию того, что противодействие коррупции – «дело техники», политической воли, принятия новых законов и т. д. Не отрицая необходимости таких мер, мы полагаем, что усиление бездушной техники в борьбе с коррупцией – это иллюзия, мешающая понять возрастающую роль человеческого фактора в феномене коррупции и в проведении антикоррупционной политики. Гражданское общество начинается с гражданина. В свою очередь, гражданин – это автономная, т. е. самостоятельная, думающая и говорящая личность в отличие от молчащего и выполняющего приказы и команды подданного.

2. Человеческий фактор приобретает особую важность, когда мы рассматриваем элиты разного уровня, особенно ее высшие эшелоны. Подлинная элита отличается от олигархии и плутократии тем, что она имеет положительную значимость для общества и способна выступить против коррупции. Меритократия как власть достойных, является идеалом для цивилизованного общества. Критерием продвижения в элиту должны служить

только заслуги перед народом, а не родственные связи, дружба, преданность руководителю и т. д. При этом, однако, противоречивость элиты состоит в том, что она частично в процессе своей социальной динамики поддается разложению и отходит от ядра лучших и наиболее достойных. Современная политическая элита слабо заинтересована в антикоррупционной политике. Если раньше не было интереса в связи с тем, что не был закончен передел сфер влияния в различных областях общественной жизни, особенно в политике и экономике, то теперь общество и государство оказались в непростой ситуации «вынужденной коррупции» [2; 4], когда надо брать, чтобы отдавать и отдавать, чтобы брать снова. Это похоже на форс-мажор: ураган, наводнение, землетрясение и т. п. Такая ситуация отторгает позитивные персонологические факторы отбора достойных управлять, поскольку все измеряется деньгами, все покупается и продается.

3. Подлинная элита должна опираться на закон наград и кар в проведении антикоррупционной политики. Классические законы наград и кар требуют существенной конкретизации в виде особого позиционирования политических элит с учетом культуры и автономности сознания личности россиян, учета степени разложения морального и правового сознания социальных субъектов и правящей элиты. Разрыв порочного круга коррупции в конструировании российской действительности будет требовать все больших и больших усилий, поскольку разложение затрагивает все большее количество людей и сфер жизни общества. Коррупция вредна тем, что она создает питательную почву для организованной преступности, проникающей в высшие эшелоны власти. Несмотря на единство социального, культурного и антропологического, человеческий фактор в этом процессе конструирования социокультурной реальности, на наш взгляд, играет решающую роль. Утверждая это, мы принимаем серьезное допущение от возможности феноменологической редукции в философско-антропологическом измерении того объективного «факта», что коррупция является лишь индикатором, указателем безличных общественных отношений, становится проявлением взаимосвязи формальных и неформальных компонентов в функционировании социальной системы. Говоря более простым языком, люди породили коррупцию, люди и будут ее искоренять.

4. Культурная элита и элита в области образования и здравоохранения испытывает на себе особые негативные последствия коррупции, поскольку культурные ценности девальвируются, а деньги и материальные ценности становятся единственным критерием достоинства личности. Обнищание интеллигенции привело ее к незаконным или нелегитимизированным способам получения доходов. Честные люди вынуждены уходить из указанных сфер. Особенно сильное развращающее действие оказывает коррупция на несовершеннолетнюю молодежь, вызывая цепную реакцию в случае воспитания продажных педагогов, врачей, циников-юристов, ремесленников в искусстве, продающих «духовность» оптом и в розницу. Казалось бы, больше всего коррупционер вредит себе, поскольку разлагает в себе высшую ценность – личность («продает душу дьяволу»). Однако положение дел становится опасным для всего общества, поскольку формируется аморальная мораль псевдоаристократов (которых характеризует архаика возрождающихся рабовладельцев и феодалов), далеких от народа и социального государства.

5. Политическая элита опирается на властное сознание широких народных масс, поэтому тенденция гетерономии означает высокую степень вероятности ее развращения абсолютной властью и безнаказанностью. При условии трудностей формирования гражданского общества коррупция еще больше затрудняет его формирование, поскольку подрывает главную его основу – личностную автономию. Рыночная личность как автономная личность вырождается в «продажную личность», подверженную правовому нигилизму и нравственной пустоте. Позиционирование элиты в проведении антикоррупционной политики опирается на тенденцию автономности сознания, включающую в себя нравственные и правовые моменты. Здоровое моральное и правовое сознание того или иного политического лидера, который еще может стать выше материального расчета, сегодня маркируется его стремлением вести борьбу с коррупцией для завоевания высшей ценности политики – власти, основанной на доверии народа.

Таким образом, мы подчеркнули необходимость учета субъективной стороны коррупции, отметили роль «человеческого фактора» в понимании слабости антикоррупционной политики в условиях современной России. В философско-антропологическом аспекте такое понимание коррупции существенно

отличается от трактовки коррупции в социальном измерении, которое ориентируется на внешние факторы, например, принятие законов, создание антикоррупционных государственных комитетов или комиссий, технический контроль, безналичный расчет, компьютеры, Интернет и прочее. Не отрицая значимости социальных технологий, стоит все же отметить, что они должны использоваться меритократией, в особенности, в сфере СМИ.

Современное положение дел в российской действительности осложняется тем, что законы наград и кар, открытые великим социологом П.А. Сорокиным, непосредственно уже неприменимы к российской действительности, поскольку общество и государство оказались в непростой ситуации вынужденной коррупции. Эти законы надо преломлять через процесс формирования современной политической элиты. Отметим основную мысль: гетерономия социальных законов не может действовать в ситуации индивидуальной аномии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алакшина И. С. Коррупция как элемент социальной действительности современного российского общества : автореф. ... дис. канд. филос. наук : 09.00.11 / Алакшина Ирина Сергеевна. – Краснодар, 2006. – С. 10.
2. Законопроект о «вынужденной коррупции». Что ждать от инициативы Минюста? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://promdevelop.ru/zakonoproekt-o-vynuzhdennoj-korruptsii-chto-zhdet-ot-initsiativy-minyusta/>.
3. Зотов А. Ф. Жиль Делёз и философский облик постмодерна (от «кризиса объективности» к «кризису субъективности») / А. Ф. Зотов // Современная западная философия. – М. : Проспект, 2012. – С. 520–521.
4. Изменения в законе о коррупции в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://potreb-prava.com/poleznye-stati/novyj-zakon-o-korruptcii-2019.html>.
5. Малявин В. Конфуций / В. Малявин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dom-knig.com/read_182662-60.
6. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: экзистенциально-антропологическое измерение / А. Д. Похилько. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – С. 66–83.
7. Похилько А. Д. Энциклопедия неабсолютного знания: Деньги как условие коррупции [Электронный ресурс] / А. Д. Похилько. – Режим доступа: https://dom-knig.com/read_182662-60.

8. Пряжников Н. С. S≠\$, или Личность в эпоху продажности / Н. С. Пряжников. – М.–Воронеж, 2000. – С. 15.
9. Репина Ю. А. Эффективность информационных технологий в борьбе с коррупцией в России и за рубежом / Ю. А. Репина // Инновации в науке. – 2018. – № 5 (81). – С. 66–67.
10. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 115–134.
11. Статья 9 Заключения № 21(2018) Консультативного совета европейских судей «О предупреждении коррупции среди судей» (ССЈЕ(2018)3) (Принято в г. Загребе 09.11.2018) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 1.
12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/.
13. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2016. – 317 с.
14. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Мн. : Коллегиум, 1992. – С. 79.
15. Элиты и будущее России: Взгляд из регионов. Вып. 2 : Материалы международной научно-практической конференции (12–13 октября 2007 г.). – Ростов н/Д., 2007. – С. 157–167.

REFERENCES

1. Alakshina I.S. *Korruptsiya kak element sotsial'noy deystvitel'nosti sovremenno-go rossiyskogo obshchestva* [Corruption as an Element of the Social Reality of Modern Russian Society]: Diss. Abstract. Krasnodar, 2006. P. 10.
2. *Zakonoprojekt o «vynuzhdennoy korruptsii». Chto zhdet' ot initsiativy Minyusta?* [The Bill on "Forced Corruption". What to Expect from the Initiative of the Ministry of Justice?]. Available at: URL: <https://promdevelop.ru/zakonoproekt-o-vynuzhdennoj-korruptsii-chto-zhdet-ot-initsiativy-minyusta/> (In Russian).
3. Zotov A.F. *Zhil' Deloz i filosofskiy oblik postmoderna (ot «krizisa ob"yektivnosti» k «krizisu sub"yektivnosti»). Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Gilles Deleuze and the Philosophical Face of Postmodernism (from the “Crisis of Objectivity” to the “Crisis of Subjectivity”. Modern Western Philosophy)]. Moscow, Prospect, 2012. P. 520-521.
4. *Izmeneniya v zakone o korruptsii v 2019 godu* [Changes to the Corruption Law in 2019]. Available at: URL: <https://potreb-prava.com/poleznye-stati/novyj-zakon-o-korrupcii-2019.html>. (In Russian).
5. Malyavin V. *Konfutsiy* [Confucius]. Available at: URL: https://dom-knig.com/read_182662-60. (In Russian).

6. Pokhilko A.D. *Sotsiokul'turnaya avtonomnost' soznaniya: ekzistentsi-al'no-antropologicheskoye izmereniye* [Sociocultural Autonomy of Consciousness: Existential-anthropological Dimension]. Rostov-on-Don, Publishing House SKNTs VSh, 2006. P. 66-83.
7. Pokhilko A.D. *Entsiklopediya neabsolyutnogo znaniya: Den'gi kak usloviye korruptsii* [Encyclopedia of Absolute Knowledge: Money as a Condition of Corruption]. Available at: URL: https://dom-knig.com/read_182662-60 (accessed 09.09.2019). (In Russian).
8. Pryazhnikov N.S. *S≠\$, ili lichnost' v epokhu prodazhnosti* [S ≠ \$, or a Person in the Age of Corruption]. Moscow-Voronezh, 2000. P. 15.
9. Repina Yu.A. The effectiveness of information technology in the fight against corruption in Russia and abroad. *Innovatsii v nauke = Innovations in science*, 2018, no. 5 (81), p. 66-67. (In Russian).
10. Sorokin P.A. *Chelovek, tsvilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moscow, Politizdat, 1992. P. 115-134.
11. Article 9 of Conclusion no. 21 (2018) of the Advisory Council of European Judges on the Prevention of Corruption among Judges (CCJE (2018) 3) (Adopted in Zagreb 11/09/2018). *Byulleten' Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka. Rossiyskoye izdaniye = Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition*, 2019, no. 1. (In Russian).
12. *Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 N 273-FZ (red. ot 26.07.2019) "O protivodeystvii korruptsii"* [Federal Law of December 25, 2008 N 273-ФЗ (as amended on July 26, 2019) "On Combating Corruption"]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/. (In Russian).
13. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, AST, 2016. 317 p.
14. Fromm E. *Chelovek dlya sebya* [Man for himself]. Minsk, Collegium, 1992. P. 79.
15. Elites and the future of Russia: A look from the regions. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii 12-13 oktjabrja = Materials of the international scientific-practical conference October 12-13*, Rostov-on-Don, 2007, vol. 2, pp. 157-167. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян Э. Р. Социокультурные факторы коррупции в философско-антропологическом измерении / Э. Р. Глечян, А. Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 40–53.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E. R., Pokhilko A. D. Sociocultural Factors of Corruption in the Philosophical-Anthropological Dimension / E. R. Glechyan, A. D. Pokhilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 40–53. (In Russian).